

Сердце монстра в моих руках

Галактионов С.В.

Сергей Галактионов
Сердце монстра в моих руках
Серия «Попаданцы», книга 5

<https://litres.ru/74327482>

SelfPub; 2026

Аннотация

Переродиться в любовном романе? Звучит как мечта, если только это не темное фэнтези с рейтингом 18+. Я — сестра главного антагониста, обреченная на гибель. Мой брат приносит мне трупы врагов в подарок, Кронпринц видит во мне лишь трофей, а серебряноглазый Магистр Теней крадет мои поцелуи в темноте библиотек. Я пришла сюда не за любовью, а за жизнью, но, кажется, судьба решила, что я заберу и то, и другое.

Содержание

Глава 1. «Я умерла... и это только начало»	4
Глава 2. «Инструкция по воспитанию монстра: начало»	29
Глава 3. «Первая кровь»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Галактионов

Сердце монстра в моих руках

*«Сорви с меня маску, Лиана. Под ней нет ничего,
кроме жажды обладать тобой»*

Глава 1. «Я умерла... и это только начало»

Последнее, что я запомнила из своей прежней жизни, — это мокрый кафель.

Смешно, правда? Не вспышка света, не ангел с крыльями, не тоннель с белым сиянием в конце. Просто мокрый, скользкий кафель цвета больничной тоски, дешёвый шампунь, разлитый под ногами, и мысль — единственная, последняя, до обидного нелепая: «Надо было купить коврик для ванной».

А потом — удар.

Затылок о край раковины. Короткий, сухой звук, как будто кто-то щёлкнул пальцами. Вспышка боли — яркая, белая, оглушительная. И темнота. Мгновенная, абсолютная, всепо-

глощающая, будто кто-то выдернул вилку из розетки моего сознания.

Мне было двадцать восемь лет. Я работала младшим аналитиком в страховой компании «Гранит-Полис», снимала однушку на окраине города, питалась лапшой быстрого приготовления четыре дня в неделю и читала веб-новеллы по ночам, потому что мой реальный мир был настолько серым и бессмысленным, что выдуманные миры казались единственным пространством, где я могла дышать.

Последняя новелла, которую я читала перед тем, как решила принять ванну (роковое решение, буквально), называлась «Багровый сад наслаждений». Рейтинг R19+. Жанр — романтическое фэнтези с обратным гаремом, политическими интригами и сценами, от которых у приличного человека загорелись бы уши, а у неприличного — совсем другие части тела.

Я прочитала все триста сорок семь глав за одиннадцать дней. Засыпала с телефоном, просыпалась с телефоном, ела с телефоном. Мои коллеги думали, что у меня роман — если бы они знали, что я краснею, читая о том, как вымышленный кронпринц с проблемами привязанности привязывает (буквально) главную героиню к трону, они бы вызвали мне психиатра.

Но новелла была хороша. По-настоящему хороша. Не только сценами с рейтингом — хотя, признаю, автор умел писать так, что температура в комнате поднималась на пару

градусов, — но и сюжетом. Интриги, предательства, сложные персонажи, у каждого из которых была своя боль и своя тьма.

Главная героиня, Серафина, — нищая сирота с невероятным магическим потенциалом, чью приёмную семью уничтожил жестокий герцог Валькрейн. Она поклялась отомстить и собрала вокруг себя гарем из самых могущественных мужчин Империи: Кронпринца Кассиана — властного тирана, привыкшего брать то, что хочет; Магистра Теней Элиаса — гениального шпиона-социопата; и Командира Святых Рыцарей Ашера — лицемерного садиста в маске святоши.

Каждый из них был по-своему сломан, по-своему опасен, и каждый хотел Серафину — не как женщину, а как идею. Как пламя, к которому тянутся мотыльки, зная, что сгорят.

А главным злодеем — тем самым герцогом, который уничтожил семью Серафины и стал причиной всех её страданий, — был Дэмиан Валькрейн. Молодой, красивый, абсолютно безжалостный. Он убивал без колебаний, пытал без угрызений совести и улыбался так, что у людей подкашивались ноги — не от восхищения, а от первобытного ужаса.

У него была одна-единственная слабость, упомянутая вскользь, буквально одной строкой, в шестьдесят третьей главе:

«Его младшая сестра погибла в юности от отравления на одном из светских приёмов. Её смерть стала последним

ударом, окончательно уничтожившим в нём всё человеческое. После этого герцог Валькрейн перестал делать различие между врагами и невинными — для него весь мир стал одной большой мишенью».

Одна строка. Без имени. Без истории. Просто — «сестра злодея, которая умерла, чтобы злодей стал злее».

Литературный приём. Сюжетный инструмент. Расходный материал.

Я тогда ещё подумала: «Бедная девочка. Родиться в семье психопатов, ничего не знать о своей судьбе и умереть, чтобы какой-то герцог мог красиво страдать в следующей главе».

А потом я поскользнулась на мокром кафеле.

И стала этой девочкой.

Я открыла глаза и увидела потолок.

Не мой потолок. Мой потолок был серый, с трещиной в углу и подозрительным жёлтым пятном, которое я предпочитала считать следом от протечки, а не чем-то биологическим.

Этот потолок был белый. Нет — молочный. Нет — цвета слоновой кости с перламутровым отливом, расписанный фресками с изображением ангелов, играющих на арфах, и каких-то мифических птиц в золотых облаках. Каждый мазок кисти был выполнен с таким мастерством, что птицы казались живыми — их крылья словно подрагивали в потоках тёплого воздуха.

Я моргнула.

Потолок остался на месте.

Я моргнула снова. Потолок по-прежнему был там — издевательски роскошный, невозможно красивый, абсолютно не мой.

«Ладно, — подумала я. — Либо я в коме и это очень детализированная галлюцинация, либо страховая компания „Гранит-Полис“ серьёзно задолжала мне по зарплате, и кто-то ошибся номером палаты».

Я попыталась сесть — и обнаружила две вещи.

Первая: моё тело было маленьким. Крошечным. Детским. Мои руки — тонкие, бледные, с розовыми пальчиками, которые выглядели так, будто их вырезали из фарфора. Ногти — аккуратные, блестящие, идеальные, как у куклы. Мои руки в прошлой жизни были обгрызенными, с облупленным лаком и вечными заусенцами от нервов. Эти руки не имели с ними ничего общего.

Вторая: кровать, на которой я лежала, была размером с мою прежнюю квартиру. Балдахин из тёмно-бордового бархата, расшитого серебряными нитями. Простыни — шёлковые, настоящие, того сорта, что я видела только в каталогах дорогих магазинов, когда залипала в телефон вместо работы. Подушки — мягкие, объёмные, набитые чем-то невесомым, наверняка пухом какой-нибудь несчастной птицы, вымершей ради комфорта богачей.

Я медленно повернула голову. Комната — огромная, тёмная, с высокими стрельчатыми окнами, задрапированными

тяжёлыми шторами цвета запёкшейся крови. Мебель — массивная, из чёрного дерева с резьбой в виде переплетённых роз и черепов. На стенах — гобелены, тяжёлые, пыльные, с изображением каких-то охотничьих сцен.

И — герб.

Он висел над камином, огромный, в золочёной раме: чёрная роза с шипами, обвивающая человеческий череп. Из пустых глазниц черепа проросли лепестки — прекрасные и жуткие одновременно, словно смерть и красота договорились жить вместе и поделили территорию.

Я знала этот герб.

Я видела его описание. Читала о нём. Делала скриншот, потому что посчитала художественную деталь «атмосферной».

Герб дома Валькрейн.

«Род Валькрейн — один из древнейших герцогских домов Империи Азгарон. Их девиз: "Из тьмы — к величию". На протяжении столетий Валькрейны были известны как безжалостные политики, теневые кукловоды и, по слухам, — хозяйева крупнейшей преступной сети континента».

Глава первая. Описание семьи главного злодея.

Я помнила это наизусть. Потому что была ненормальной фанаткой, которая вела заметки по новелле.

Мир вокруг меня качнулся. Не физически — метафизически. Как будто реальность повернула регулятор громкости, и все звуки — треск дров в камине, шелест штор, чьи-то шаги

за дверью — стали оглушительными, невозможно чёткими.

«Нет, — подумала я. — Нет, нет, нет. Это не то, что я думаю. Это не может быть тем, что я думаю. Я не настолько невезучая. Вселенная не настолько жестока. Бог — если он есть — не настолько извращён в своём чувстве юмора».

Я сползла с кровати. Мои ноги — маленькие, босые, в шелковых чулочках — коснулись холодного мраморного пола. Я доковыляла до туалетного столика, карабкаясь на пуфик, как обезьянка на пальму.

В зеркале я увидела лицо.

Не своё лицо. Моё прежнее лицо было... обычным. Приятным, но обычным: круглое, с россыпью веснушек, карие глаза, вечно уставший взгляд, нос, который я считала слишком большим, а подруга — «характерным».

Лицо в зеркале было другим. Маленькая девочка лет пяти-шести, с кожей настолько бледной, что казалась полупрозрачной, как рисовая бумага. Волосы — длинные, чёрные, с лёгким серебристым отливом, как ночное небо перед рассветом. Черты лица — тонкие, аристократичные, с острым подбородком и высокими скулами. Даже в этом детском лице уже угадывалась будущая красота — холодная, неприступная, из тех, что не согревают, а обжигают.

Но глаза.

Глаза были — алые. Тёмно-красные, как венозная кровь, как спелая вишня, как рубин на свету. Нечеловечески яркие. Немного пугающие.

Глаза семьи Валькрейн. Их семейная черта, описанная в романе: «Все носители крови Валькрейн имели глаза цвета свежей крови — отличительный знак их рода, который враги считали проклятием, а они сами — благословением».

Я смотрела в зеркало.

Зеркало смотрело на меня.

Маленькая девочка в зеркале выглядела так, будто хотела заплакать. Что было логично, потому что я хотела заплакать. Нет — я хотела упасть на пол, свернуться в клубок и выть, как раненое животное.

Я переродилась.

Я переродилась в новелле.

Не в какой-нибудь мирной, уютной новелле про пекарню в сельской глуши или ленивую жизнь аристократки, которая разводит цветочки и пьёт чай.

Нет.

Я переродилась в «Багровом саду наслаждений». R19+ новелле с обратным гаремом. Где мужские персонажи — ходячие красные флаги с телами греческих богов и моральными ориентирами серийных убийц. Где главная героиня — мстительный архимаг, который сжигает врагов заживо. Где кровь льётся рекой, интриги плетутся, как паутина, а постельные сцены описаны с такой детальностью, что хочется одновременно обмахнуться веером и вызвать полицию.

И я стала не кем-нибудь — а сестрой главного злодея.

Той самой безымянной сестрой, чья смерть упомянута од-

ной строкой и чьё существование нужно было только для того, чтобы у злодея был красивый трагический бэкстори.

«Расходный материал, — тупо подумала я, глядя в свои алые глаза. — Я — расходный материал».

Дверь за моей спиной скрипнула.

Я обернулась так резко, что чуть не свалилась с пуфика.

На пороге стоял мальчик.

Ему было лет восемь — может, девять. Высокий для своего возраста, худой, с угловатым телом ребёнка, который растёт слишком быстро. Чёрные волосы — такие же, как у меня, — падали на лоб неровными прядями. Кожа — бледная, почти восковая, как будто он никогда не выходил на солнце. Одет в тёмный камзол с серебряной вышивкой, слишком строгий для ребёнка его возраста.

И глаза.

Красные. Как мои. Как у всех Валькрейнов.

Но если мои детские глаза в зеркале казались просто яркими и необычными, то его глаза были... другими. В них было что-то, что заставило мой взрослый, двадцативосьмилетний разум в шестилетнем теле инстинктивно сжаться. Пустота. Не отсутствие эмоций — а присутствие чего-то, что ещё не оформилось в конкретную эмоцию, но уже было опасным. Как тишина перед грозой. Как запах газа в закрытой комнате — ещё не взрыв, но уже угроза.

Маленький Дэмиан Валькрейн. Будущий герцог. Будущий глава крупнейшей преступной сети Империи. Будущий мас-

совый убийца, который в оригинальной новелле вырезал целую деревню, потому что один из жителей оскорбил его фамилию. Будущий главный злодей, которого Серафина со своим гаремом из психопатов с модельной внешностью уничтожит в финале.

Вот он. Стоит на пороге моей комнаты. Восьмилетний. С пустыми глазами. С чем-то в руках.

Он шагнул внутрь. Его шаги были бесшумными — неестественно бесшумными для ребёнка. Дети топают, шаркают, шлёпают босыми пятками. Этот ребёнок двигался, как тень.

— Сестрёнка, — сказал он.

Голос — тихий, ровный, без модуляций. Как если бы кто-то запрограммировал робота произносить слова с идеальной дикцией, но забыл вложить в него эмоции.

— Ты проснулась.

Он подошёл ближе. Остановился в двух шагах от меня. И протянул руки, показывая то, что держал.

Крыса.

Мёртвая крыса. Крупная, серая, с длинным голым хвостом, свисающим, как мокрая верёвка. Шея у крысы была свёрнута — аккуратно, профессионально, одним движением. Ни капли крови. Чистая работа.

— Я убил крысу, которая тебя напугала, — сказал Дэмиан. — Она забралась к тебе в комнату вчера ночью. Ты плакала. Помнишь?

Я не помнила. Предыдущие воспоминания этого тела бы-

ли мутными, обрывочными — как сон, который забываешь через пять минут после пробуждения. Но судя по всему, настоящая маленькая Лиана (если она вообще была «настоящей», а не просто оболочкой, ждавшей моего появления) боялась крыс. И её старший брат — восьмилетний мальчик с глазами убийцы — пошёл и решил проблему единственным известным ему способом.

Он убил её.

И принёс показать. Как трофей.

— Хочешь посмотреть? — спросил он, протягивая крысу чуть ближе. На его лице — ни тени отвращения, ни тени гордости. Просто факт. Просто констатация: была проблема — он её решил.

Мой мозг разделился на две части.

Первая часть — взрослая, рациональная, та, что двадцать восемь лет жила в мире без магии и мёртвых крыс на завтрак, — завопила: «ЭТО НЕНОРМАЛЬНО! ЭТО РЕБЁНОК! ОН ПРИНОСИТ ТРУПЫ ЖИВОТНЫХ КАК ПОДАРКИ! ГДЕ РОДИТЕЛИ?! ГДЕ ДЕТСКИЙ ПСИХОЛОГ?! ГДЕ, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, ВЫХОД?!»

Вторая часть — та, что прочитала триста сорок семь глав «Багрового сада наслаждений» и знала, кем станет этот мальчик, — тихо, но отчётливо произнесла: «Если ты сейчас закричишь, заплачешь или покажешь страх, ты потеряешь его. Он закроется. Уйдёт в себя. И вырастет в того Дэмиана Валькрейна, который вырезает деревни, потому что ему плевать

на всех, включая себя. Ты — единственное, что привязывает его к человечности. Действуй соответственно».

Я посмотрела на мёртвую крысу.

Я посмотрела на мальчика с пустыми красными глазами.

И — Боже, помоги мне — я улыбнулась.

— Спасибо, братик, — сказала я. — Ты меня спас.

Мой голос — тонкий, детский, звенящий — звучал чужим, как будто я говорила через динамик дешёвого радио. Но я вложила в эти слова всё тепло, на которое была способна.

Эффект был мгновенным.

Дэмиан моргнул. Один раз. Медленно. Как будто его система обработки данных столкнулась с незнакомым файлом и пыталась его открыть. На его бледном лице промелькнуло что-то — быстрое, почти незаметное, как рябь на поверхности стоячей воды. Удивление? Замешательство? Я не была уверена.

Он смотрел на меня своими красными глазами — и в первый раз за всё время, что я его видела, они не были совсем пустыми. В них появилось что-то. Маленькое. Хрупкое. Живое.

Как росток, пробивающийся сквозь трещину в бетоне.

— Тебе... правда не страшно? — спросил он. Голос чуть дрогнул. Совсем чуть-чуть. Взрослый бы не заметил. Но я заметила.

— Конечно, не страшно, — соврала я. Мне было страш-

но. Мне было так страшно, что мои маленькие фарфоровые ручки тряслись. Но я стиснула их в кулачки и спрятала за спиной. — Ты же рядом. Как мне может быть страшно, когда мой братик рядом?

Дэмиан опустил крысу. Положил её на пол — аккуратно, словно это была фарфоровая ваза, а не мёртвый грызун. И сделал шаг ко мне.

Ещё один.

Остановился так близко, что я могла видеть тонкие серебристые ресницы на его бледных веках. Он был выше меня на голову — худой, остроугольный мальчик с ледяной кожей и глазами цвета крови.

— Служанки боятся, — сказал он тихо. Не жалуясь. Не спрашивая. Просто сообщая факт, как сообщают прогноз погоды. — Они не хотят входить в мою комнату. Они думают, что я странный.

«Ты и есть странный, — подумала я. — Ты приносишь мёртвых крыс в качестве утреннего приветствия. Большинство людей приносят цветы или, на худой конец, кофе».

Но вслух я сказала:

— Они глупые. Ты не странный. Ты — мой любимый старший братик. Самый лучший братик на свете.

И я сделала то, чего, судя по его реакции, никто никогда не делал.

Я обняла его.

Мои маленькие руки едва доставали до его талии. Я при-

жалась лицом к жёсткой ткани его камзола — он пах лавандой и чем-то металлическим, как старые ножницы, — и обняла его так крепко, как только могла.

Дэмиан замер.

Полностью. Абсолютно. Как статуя. Как животное, пойманное в луч света.

Его руки висели по бокам — неподвижные, напряжённые. Я чувствовала, как колотится его сердце — быстро, неровно, как у загнанного зверя. Он не знал, что делать. Этот восьмилетний мальчик, который умел бесшумно свернуть шею крысе, не знал, что делать с объятием.

Десять секунд.

Двадцать.

Тридцать.

На сорок пятой секунде — я считала, потому что мой аналитический мозг не мог остановиться даже в момент межпространственного кризиса идентичности — его руки шевельнулись.

Медленно. Неуверенно. Как будто он двигал конечностями, которые только что открыл для себя. Его тонкие пальцы — холодные, с аккуратно обрезанными ногтями — легли мне на спину. Невесомо. Едва касаясь. Будто он боялся, что я рассыплюсь, как стекло.

— Сестрёнка, — прошептал он. И в этом слове — в этом простом, обычном слове — было столько... я даже не знала, как это назвать. Надежда? Удивление? Благодарность? Что-

то, для чего в его эмоциональном словаре ещё не было термина.

Его руки сжались чуть крепче. Всё ещё осторожно. Всё ещё неуклюже. Но — крепче.

И я поняла.

Я поняла с той кристальной ясностью, которая приходит в моменты, когда ты стоишь на краю — между жизнью и смертью, между реальностью и безумием, между прошлым миром и новым.

Этот мальчик — это не злодей.

Пока — не злодей.

Он — ребёнок. Ребёнок, которого никто не обнимал. Ребёнок, который приносит мёртвых крыс, потому что это единственный доступный ему язык заботы. Ребёнок, которого мир учит, что любовь — это слабость, доброта — это глупость, а единственный способ выжить — стать сильнее, жёстче, безжалостнее.

В оригинальной новелле его маленькая сестра погибла — и он сломался. Потому что она была единственным человеком, ради которого он ещё пытался оставаться человеком. Когда её не стало — не стало и его. Остался только монстр.

Я не позволю этому произойти.

Нет.

К чёрту оригинальный сюжет. К чёрту канон. К чёрту триста сорок семь глав «Багрового сада наслаждений» с его обратным гаремом, рейтингом R19+ и красивыми мужчинами

с моральным компасом, указывающим прямо в ад.

Я не буду строчкой. Я не буду расходным материалом. Я не буду «сестрой злодея, которая погибла до начала основных событий».

Я выживу. Я изменю историю. Я приручу этого мальчика, пока он ещё мальчик, а не чудовище.

И если для этого мне придётся обнимать маленького психопата, хвалить его за мёртвых крыс и притворяться, что я не в ужасе, — значит, так тому и быть.

Лиана Валькрейн. Шесть лет. Младшая сестра будущего главного злодея. Бывший офисный аналитик. Текущий статус: в процессе предотвращения собственной смерти.

Цель: не умереть.

Дополнительная цель: по возможности не сойти с ума.

Уровень сложности: кошмарный.

«Ну, — подумала я, утыкаясь лицом в камзол мальчика, который через десять лет будет резать людей на части с улыбкой на лице, — по крайней мере, в однушке на окраине мне точно не придётся больше жить».

Маленькие победы. Маленькие, крошечные, жалкие победы.

Я приму всё, что могу получить.

Он не уходил весь день.

После того объятия — первого, неуклюжего, неловкого — Дэмиан остался в моей комнате. Сел на пол рядом с кроватью, скрестив ноги, и просто... был рядом. Молча. Неподвижно.

движно. Как сторожевой пёс, который наконец нашёл, кого охранять.

Служанки заходили — принести завтрак, сменить воду в кувшине, поправить шторы. И каждая из них, увидев Дэмиана, вздрагивала. Одна, молоденькая, с русой косой и веснушками, уронила поднос. Звон фарфора. Залитая молоком скатерть. Девушка побледнела так, будто увидела призрак.

— П-простите, молодой господин, — пролепетала она, падая на колени. — Я сейчас всё уберу, простите, простите...

Дэмиан посмотрел на неё. Просто посмотрел — без злости, без раздражения, без вообще какого-либо выражения. Но девушка задрожала. По-настоящему задрожала — всем телом, как лист на ветру.

Я наблюдала за этим из кровати, кутаясь в одеяло и анализируя ситуацию с холодной точностью страхового аналитика, оценивающего риски.

Риск номер один: Дэмиан. Мой брат. Мой потенциально-будущий-массовый-убийца-брат. Проблема не в том, что он жесток — проблема в том, что он ещё не понимает, что жесток. Для него убийство крысы и помощь сестре — действия одного порядка. Он не различает. Пока не различает. Но скоро начнёт — если его правильно направить.

Риск номер два: отец. Герцог Валькрейн-старший. В новелле о нём было немного — «холодный, жестокий патриарх, воспитавший сына по образу и подобию своему». Если отец — причина, по которой Дэмиан ломается, мне нужно вме-

шаться в эту динамику. Как — пока не знаю. Мне шесть лет. У меня нет ни силы, ни власти, ни магии. У меня есть только мозг двадцативосьмилетней женщины в теле ребёнка.

Риск номер три: отравление. Моя смерть. По канону я должна умереть от яда на светском приёме. Когда? В новелле не уточнялось. Через пять лет? Десять? Двенадцать? У меня нет точных сроков. Нужно выяснить и предотвратить.

Риск номер четыре...

— Сестрёнка.

Я подняла глаза. Дэмиан стоял рядом с кроватью — когда он успел встать и подойти бесшумно, я не заметила — и протягивал мне чашку.

— Твой чай остыл, — сказал он. — Я попросил подогреть. Служанка... уронила первую чашку, поэтому пришлось попросить другую.

Я посмотрела на чашку. Фарфор — тонкий, полупрозрачный, с золотым ободком. Чай — травяной, пахнувший ромашкой и чем-то медовым. Дэмиан держал чашку двумя руками, осторожно, как будто она была хрупче, чем он мог вынести.

— Спасибо, братик, — сказала я, принимая чашку. Мои пальцы коснулись его пальцев — и я почувствовала, какие они холодные. Ледяные. Как у мертвеца.

— У тебя руки замёрзли, — сказала я. — Иди сюда.

Я потянула его за руку. Он сопротивлялся — не физически, а инстинктивно, как человек, не привыкший к прикосновениям. Но я была настойчива (и удивительно силь-

на для шестилетней девочки — видимо, аристократическое тело кормили лучше, чем мою бывшую оболочку офисного планктона). Я затащила его на кровать, укутала одеялом и сунула его ледяные руки между своими ладошками.

— Вот так, — сказала я с удовлетворением. — Теперь согреешься.

Дэмиан смотрел на свои руки в моих руках — с таким выражением, с каким человек смотрит на чудо. Не на фокус — на настоящее, необъяснимое, невозможное чудо.

— Ты... странная, — сказал он наконец.

«Это я странная?! — мысленно взывала я. — Я?! Ты принёс мне мёртвую крысу на завтрак!»

— Почему? — спросила я вслух, невинно хлопая ресницами.

— Все боятся, — сказал он. — Служанки. Повара. Садовники. Даже учителя. Они смотрят на меня и... — Он замолчал. Нахмурился. Подбирал слова, как ребёнок, который знает больше, чем может выразить. — Они смотрят, как на что-то плохое. Как на ошибку.

Моё сердце — и в прежней жизни не из камня, а уж в этом маленьком хрупком теле и подавно — сжалось.

Восемь лет. Ему восемь лет. И он уже знает, что мир считает его ошибкой.

— Они идиоты, — сказала я с такой убеждённой уверенностью, что Дэмиан слегка отпрянул. — Ты не ошибка, братик. Ты — самый лучший старший брат, какой только может быть. Ты

убил страшную крысу, чтобы защитить меня. Ты принёс мне чай. Ты сидишь рядом, чтобы мне не было одиноко. Какой ещё брат так делает?

(Технически, большинство братьев не начинают утро с демонстрации трупов грызунов, но сейчас был не момент для нюансов.)

Дэмиан молчал. Долго. Его красные глаза — неподвижные, нечитаемые — смотрели на меня. Сквозь меня. Внутрь меня. Как будто он пытался разобрать мои слова на молекулы, проверить каждую на подлинность, убедиться, что это не ловушка.

А потом он сделал то, чего я не ожидала.

Он наклонил голову вперёд — медленно, неуверенно — и прижался лбом к моему плечу.

— Сестрёнка, — прошептал он. И голос его — впервые за всё это время — был не пустым. Он был... тёплым. Чуть-чуть. Как первый луч солнца в январе — слабый, робкий, недостаточный, чтобы растопить снег, но достаточный, чтобы напомнить: весна существует.

— Не бойся, — сказал он. — Я никому не дам тебя обидеть. Никому. Никогда.

Его голос стал тише. Почти неслышный. Но слова — слова звенели, как сталь.

— Если кто-то попробует, я...

Он не закончил. Но мне не нужно было, чтобы он заканчивал. Я знала, что он хотел сказать. Я прочитала триста со-

рок семь глав того, что он сделает, когда вырастет. Я знала, на что способен Дэмиан Валькрейн, когда речь идёт о тех, кого он считает своими.

И впервые — впервые с момента пробуждения в этом безумном, красивом, смертельно опасном мире — я не знала, что чувствую.

Страх? Да. Конечно. Этот ребёнок вырастет в чудовище. Я обнимаю бомбу с часовым механизмом, одетую в камзол.

Но было и другое.

Что-то тёплое. Что-то ноющее. Что-то, что сжимало горло и щипало глаза.

В моей прежней жизни у меня не было ни братьев, ни сестёр. Родители развелись, когда мне было семь, и оба предпочитали делать вид, что я — неудобный предмет мебели, который нельзя выбросить, но можно задвинуть в угол. Я выросла одна. Жила одна. Умерла одна — поскользнувшись в ванной, потому что рядом не было ни единого человека, который мог бы крикнуть: «Осторожно, мокрый пол!»

А теперь мальчик с пустыми глазами и мёртвой крысой в руках говорит мне: «Я никому не дам тебя обидеть».

И я ему верю.

Боже, помоги мне, я ему верю.

— Я знаю, братик, — прошептала я, глядя его по волосам.
— Я знаю.

Он прижался ко мне крепче. Его дыхание — тёплое, ровное — касалось моей шеи. Его руки — всё ещё холодные, всё

ещё жёсткие — держали меня так, будто я была единственным якорем, не позволяющим ему утонуть в темноте.

И я подумала: «Хорошо. Ладно. Я не сойду с ума. Я не сломаюсь. У меня есть цель. У меня есть причина. У меня есть этот странный, сломанный, опасный мальчик, который смотрит на меня так, будто я — единственный источник света в его мире».

Я должна спасти его.

Я должна спасти нас обоих.

И, может быть, — только может быть, — в процессе спасти весь этот проклятый сюжет.

Но сначала — мне нужен план.

Позже, когда Дэмиан наконец уснул рядом со мной — свернувшись калачиком поверх одеяла, как щенок, пригревшийся у печки, — я лежала в темноте и систематизировала всё, что знала.

Итак. Факты.

Мир: Империя Азгарон. Средневековое фэнтези с магией, аристократией и, судя по рейтингу оригинальной новеллы, весьма свободными нравами за закрытыми дверями.

Текущее время: судя по возрасту Дэмиана (примерно восемь лет) и моему собственному (примерно шесть), до начала основных событий новеллы — около двенадцати лет. Серафина появится в Академии, когда ей будет восемнадцать. Ей сейчас, вероятно, лет шесть — семь, где-то в бедном квартале, живёт с приёмной семьёй, не подозревая о своём

магическом потенциале.

Моя смерть: по канону — отравление на светском приёме. Дата неизвестна. Причина неизвестна. Заказчик неизвестен. В новелле об этом — ноль деталей. Просто «умерла, брат сломался, все пострадали».

Ключевые персонажи, с которыми мне предстоит столкнуться:

— Дэмиан Валькрейн (брат, будущий злодей, текущий статус: спящий на моей кровати с большим пальцем подозрительно близко ко рту).

— Кронпринц Кассиан (будущий тиран, текущий статус: вероятно, десятилетний мальчик, учится быть невыносимым).

— Элиас, будущий Глава Информационной Гильдии (шпион, предатель, текущий статус: вероятно, уличный мальчишка в какой-нибудь трущобе).

— Ашер, будущий Командир Святых Рыцарей (лицемер и садист, текущий статус: наверняка послушник в монастыре, учится цитировать священные тексты и быть фальшивым).

— Серафина (будущая героиня обратного гарема, текущий статус: ребёнок, не знающий о своей силе).

Мои ресурсы:

— Знание сюжета (основное оружие).

— Статус младшей сестры Дэмиана (защита и ограничение одновременно).

— Взрослый разум в детском теле (преимущество, кото-

рое нельзя раскрывать).

Мои слабости:

— Мне шесть лет (физически беспомощна).

— Я не умею магию (и не знаю, есть ли у меня магический потенциал).

— Мой отец — жестокий герцог, который, вероятно, считает детей расходным материалом.

— Каждый из будущих мужских персонажей — маньяк с модельной внешностью и проблемами привязанности, способный убить, не моргнув.

Я лежала в темноте и смотрела на спящего Дэмиана. Его лицо во сне было... мягким. Расслабленным. Без этой пугающей пустоты в глазах. Просто мальчик. Просто ребёнок, который устал.

«Тебе не обязательно становиться чудовищем, — подумала я. — Тебе не обязательно резать людей, чтобы чувствовать себя живым. Тебе не обязательно терять меня, чтобы терять себя».

«Я здесь. Я останусь. И я не позволю этой истории закончиться так, как её написали».

«Потому что знаешь что, дорогой автор „Багрового сада наслаждений"? Твоя книжка была неплохая. Но концовка — дерьмо. И персонажи заслуживали лучшего».

«Особенно девочка, у которой даже имени не было».

«Теперь у неё есть имя. Лиана. Лиана Валькрейн».

«И она собирается переписать эту историю с нуля».

Я закрыла глаза. Положила руку на голову спящего Дэмиана. Его волосы были мягкими и чуть влажными — как у ребёнка после ванной.

«Спи, братик, — подумала я. — Завтра мы начнём менять мир».

«Но сначала — я найду коврик для ванной».

«Потому что некоторые уроки нельзя забывать. Даже после смерти».

Глава 2. «Инструкция по воспитанию монстра: начало»

Первые две недели в новом мире я потратила на три вещи: наблюдение, систематизацию и попытки не умереть от культурного шока.

Начну с последнего.

В моей прежней жизни «культурный шок» — это когда ты приезжаешь в другой город и обнаруживаешь, что там кладут сахар в борщ. Неприятно, но выживаемо. Здесь «культурный шок» — это когда ты просыпаешься утром, а за окном вместо панельных девятиэтажек — бескрайние тёмные леса, увенчанные горной грядой, похожей на хребет спящего дракона. Когда вместо электрического чайника — служанка, которая греет воду магическим камнем размером с мой кулак. Когда вместо зубной щётки — мятная палочка, пропитанная каким-то эликсиром, от которого во рту появляется ощущение свежести и лёгкого покалывания, как будто ты сунула язык в розетку с ментоловым вкусом.

Но самый мощный культурный шок — это, конечно, поместье Валькрейн.

Назвать его «поместьем» — это как назвать океан «лужей». Поместье Валькрейн было городом в миниатюре: главный особняк из чёрного гранита с четырьмя крыльями и ше-

стью башнями; парковый комплекс, в котором можно было заблудиться и умереть от голода, прежде чем тебя найдут; конюшни с лошадьми, каждая из которых стоила дороже, чем моя годовая зарплата в «Гранит-Полис»; казармы для личной гвардии; оранжереи с ядовитыми растениями (декоративными, уверяли садовники, но я им не верила); и подземный уровень, о котором никто не говорил вслух, но все знали, что он существует.

Я исследовала поместье с дотошностью страхового инспектора, составляющего карту рисков. Каждый коридор, каждая лестница, каждый закоулок — всё фиксировалось в моей памяти. Выходы. Тайные проходы (их было три — я обнаружила их случайно, когда потянула за подозрительно подвижный канделябр в библиотеке). Маршруты патрулей. Расписание слуг. Время, когда кухня пуста. Время, когда отец — герцог Валькрейн — уезжает на охоту.

Отец.

Вот с него и начнём.

Герцог Ренар Валькрейн, глава рода, хозяин северных территорий Империи Азгарон, один из самых могущественных аристократов страны — был высоким, широкоплечим мужчиной с лицом, вырубленным из скалы, и глазами цвета потемневшего рубина. Те же фамильные красные глаза, что и у нас с Дэмианом, — но если у Дэмиана они были пустыми, как замёрзшее озеро, то у отца они были... тяжёлыми. Давящими. Как две раскалённые монеты, которые вдавливают в

глазницы.

Ему было около сорока. Чёрные волосы с ранней сединой на висках. Шрам на левой руке — от запястья до локтя, полученный, по слухам, в дуэли с каким-то маркизом, который имел неосторожность назвать Валькрейнов «выскачками». Маркиз после дуэли не разговаривал. Не потому что не хотел — потому что не мог. У мёртвых обычно проблемы с дикцией.

В оригинальной новелле герцог Ренар Валькрейн был описан скупο: «Холодный, жестокий патриарх, воспитавший сына в традициях рода — через боль, страх и абсолютное подчинение. Погиб на охоте, когда Дэмиану было четырнадцать лет».

Три предложения. Вся его роль в сюжете — создать монстра и умереть, чтобы монстр получил власть.

Но живой герцог Ренар Валькрейн был куда сложнее трёх предложений.

Я увидела его впервые на третий день после пробуждения. Он пришёл проверить меня — видимо, получил доклад от служанок, что «леди Лиана оправилась от лихорадки» (так вот почему я была в постели — оригинальная Лиана болела). Он вошёл в мою комнату без стука — тяжёлые шаги, запах кожи и табака, скрип половиц под весом мужчины, привыкшего носить доспехи.

Я сидела на кровати с книжкой (детская сказка с картинками — нужно было поддерживать образ шестилетки). Под-

няла глаза. Увидела его.

И мгновенно поняла, почему Дэмиан такой, какой он есть. Ренар Валькрейн не был «злым» в привычном понимании. Он не кричал, не бил кулаком по столу, не устраивал истерик. Он был хуже. Он был — холодным. Тотально, абсолютно, бесчеловечно холодным. Он смотрел на меня — на свою шестилетнюю дочь, только что оправившуюся от болезни, — как на... предмет. Инвентарь. Графу в бухгалтерской книге, которую нужно проверить и закрыть.

— Лиана, — сказал он. Не «дочка», не «малышка», не «дорогая». Просто имя. Как номер в реестре.

— Папа, — ответила я, натянув на лицо самую невинную улыбку, какую могла. Внутри меня всё сжалось — не от страха (хотя страх тоже был), а от узнавания. Я видела таких людей. В прежней жизни. Мой собственный отец был из той же породы — не жестокий, нет, просто... отсутствующий. Пустой. Эмоционально мёртвый. Человек, который смотрит на тебя и видит не ребёнка, а обязательство.

— Ты здорова? — спросил он. Формально. Как врач спрашивает пациента перед выпиской: не потому что ему важен ответ, а потому что протокол требует.

— Да, папа. Мне уже лучше.

— Хорошо.

Пауза. Он стоял в дверях — не входя глубже, не приближаясь. Как будто между нами была невидимая линия, которую он не собирался пересекать.

— Дэмиан был у тебя? — спросил он.

— Да, папа. Он приходил каждый день. Приносил мне чай и...

— Он должен быть на тренировках, — перебил герцог. Голос — ровный, но с лезвием. — У него расписание. Занятия с наставником по фехтованию, верховая езда, основы стратегии. Он пропустил три дня из-за тебя.

«Из-за тебя». Не «ради тебя». «Из-за тебя». Как будто моя болезнь — это моя вина. Как будто забота Дэмиана о больной сестре — это нарушение дисциплины, а не проявление человечности.

— Прости, папа, — сказала я, опустив глаза. Внутри меня аналитик-страховщик холодно записал: «Субъект А (отец) воспринимает эмоциональные привязанности как слабость и помеху. Субъект В (Дэмиан) наказывается за проявление заботы. Вывод: каждый акт доброты Дэмиана по отношению ко мне будет караться. Следовательно, Дэмиан со временем научится либо скрывать свои чувства, либо подавлять их. В оригинальной новелле он выбрал второе — и стал чудовищем».

Герцог смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом кивнул — коротко, сухо, как будто поставил галочку в списке дел.

— Не отвлекай его больше, — сказал он и вышел.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. Как крышка гроба.

Я сидела на кровати и дышала. Просто дышала. Медленно. Глубоко. Считая вдохи и выдохи, как меня учили на тех бесплатных курсах по управлению стрессом, которые «Гранит-Полис» организовывал для сотрудников раз в квартал (единственная польза от той работы).

«Ладно, — подумала я. — Ладно. Теперь я знаю врага в лицо. И враг — не демон, не дракон, не злой колдун. Враг — родной отец. Самый обычный, банальный, токсичный родитель, который калечит своих детей не потому что ненавидит их, а потому что не умеет любить. Который считает, что „воспитание“ — это синоним слова „подчинение“. Который создаёт монстров из мальчиков, потому что сам когда-то был мальчиком, из которого создали монстра».

Замкнутый круг. Поколение за поколением. Валькрейны растят Валькрейнов — холодных, жестоких, неспособных к нормальным человеческим эмоциям.

И я должна этот круг разорвать.

Шестилетняя девочка с мозгом офисного аналитика. Против системы, которой сотни лет.

Без давления.

На следующий день я начала свою операцию.

Я назвала её «Проект Подсолнух». (Да, я давала своим планам кодовые названия. Одиноким люди в прежней жизни делают странные вещи — некоторые разговаривают с кошками, некоторые коллекционируют марки, а я называла жизненные стратегии, как будто была резидентом ЦРУ. Не су-

дите.)

«Проект Подсолнух» — потому что подсолнух поворачивается к солнцу. Моя задача — стать для Дэмиана солнцем. Единственным источником тепла, света, одобрения. Привязать его к себе так крепко, что он не сможет функционировать без моей похвалы. Звучит жестоко? Может быть. Манипулятивно? Безусловно. Но альтернатива — позволить отцу превратить его в машину для убийств, а потом умереть от яда и наблюдать (теоретически, из загробного мира), как мой брат вырезает целые семьи, потому что ему больше не для кого быть человеком.

Между манипуляцией и геноцидом я выбираю манипуляцию. Спасибо, следующий вопрос.

Этап первый: стать незаменимой.

Я начала с мелочей. Каждое утро — не важно, что происходило, — я встречала Дэмиана улыбкой. Когда он возвращался с тренировок (побитый, уставший, с синяками, которые наставник по фехтованию оставлял «для закалки»), я ждала его в коридоре.

— Братик! — я бежала к нему, распахнув руки. — Ты вернулся! Я так скучала!

Первые три раза он замирал, не зная, как реагировать. На четвёртый — его губы дрогнули. На пятый — он чуть наклонился, чтобы мне было удобнее обнять его. На шестой — он сам протянул руку и неловко погладил меня по голове.

Прогресс.

Каждый вечер я пробиралась в его комнату (вернее, он приходил в мою — его комната была спартанской, холодной, без единого уютного предмета, как камера в тюрьме класса «люкс»). Я читала ему вслух — сказки из детской библиотеки поместья. Не потому что он не умел читать (он умел — его учили с четырёх лет), а потому что чтение вслух — это интимность. Это голос, который звучит для тебя. Только для тебя.

Я выбирала сказки осторожно. Не про рыцарей и подвиги (этого в его жизни хватало — отец вдабливал ему культ силы круглые сутки). Я читала ему про животных. Про лисёнка, который потерялся в лесу и нашёл друзей. Про медведя, который был таким большим и страшным, что все звери его боялись, — но на самом деле он просто хотел, чтобы кто-нибудь пригласил его на чай.

Дэмиан слушал молча. Лёжа на моей кровати, завернувшись в одеяло, которое я на него набрасывала. Его красные глаза следили за мной в полутьме — внимательные, неотрывные. Когда я заканчивала историю, он всегда спрашивал:

— А что было дальше?

— Они жили долго и счастливо, — отвечала я.

— Это правда бывает? — спрашивал он. Без иронии. Без скепсиса. С искренним, детским, отчаянным желанием узнать: бывает ли так, что история заканчивается хорошо?

— Бывает, — говорила я. — Обязательно бывает.

(Я врала. Я не знала, бывает ли. В моей прежней жизни

точно не было. В его будущей жизни — по канону — тоже нет. Но ложь во спасение — это всё ещё ложь? Или это уже надежда?)

Прошла неделя. Я обнаружила расписание Дэмиана — и пришла в тихий ужас.

Подъём в пять утра. Бег по территории поместья — пять кругов, каждый длиной около километра. В дождь, в снег, в жару — неважно. Затем фехтование — два часа с наставником, бывшим имперским гвардейцем, чьё лицо представляло собой коллекцию шрамов и кривых зубов. Затем верховая езда. Затем стратегия и тактика. Затем история рода Валькрейн. Затем этикет (ирония: мальчика, которого учат убивать с восьми лет, одновременно учат правильно держать вилку). Обед — ровно тридцать минут. Затем — каллиграфия, математика, основы имперского права. Ужин. И финальный пункт расписания, написанный рукой отца тремя словами, подчёркнутыми дважды: «Тренировка воли».

Я не знала, что такое «тренировка воли». Но по тому, как служанки бледнели, когда речь заходила о ней, и как Дэмиан — мой маленький, пустоглазый, странный брат — каменел при этих словах, я подозревала, что «тренировка воли» — это эвфемизм для чего-то, за что в моём прежнем мире лишали родительских прав.

Мои подозрения подтвердились на девятый день.

Был вечер. Зимний. Темнело рано — к пяти часам поместье погружалось в чернильную тьму, разбавленную только

светом факелов и магических кристаллов. Я сидела в библиотеке на втором этаже (мой новый любимый пост наблюдения — из окна было видно внутренний двор и восточное крыло, где располагались кабинет отца и тренировочный зал).

Дверь библиотеки была приоткрыта. Я слышала шаги — тяжёлые, мерные шаги отца — и другие, лёгкие, едва слышные, — Дэмиана. Они шли по коридору в сторону восточного крыла.

Я выглянула.

Ренар Валькрейн шёл впереди. Его спина — прямая, как древко копья. Плечи — развёрнуты. Он не оборачивался.

За ним — Дэмиан. Восемилетний мальчик в чёрном тренировочном костюме, с мокрыми от пота волосами (после дневных тренировок), шёл за отцом, как маленький солдат за генералом. Его лицо — каменное. Глаза — пустые. Руки — сжаты в кулаки.

Они завернули за угол. Я подождала десять секунд и пошла следом.

Тайный проход за гобеленом с оленьей охотой (третий из обнаруженных мной) вёл к балкону второго яруса тренировочного зала. Я пробралась туда бесшумно — мои маленькие босые ноги не производили ни звука на каменном полу, — легла на живот и заглянула через перила.

Тренировочный зал был огромным — высокие потолки, каменные стены, стойки с оружием вдоль стен. В центре —

расчищенное пространство, покрытое песком. По периметру горели магические светильники, отбрасывая резкие белые тени.

Ренар стоял в центре. Без оружия. Без доспехов. Просто — стоял. Его руки были заложены за спину.

Дэмиан стоял напротив него. В пяти шагах.

— Сегодняшнее задание, — сказал Ренар. Его голос — ровный, бесцветный, как белый шум. — Собака.

Боковая дверь открылась. Двое слуг втащили клетку. В клетке — собака. Охотничий пёс. Молодой, не старше года. Он скулил, прижимая уши, и бил хвостом о прутья — не от радости, а от нервов.

— Это животное сломало ногу на вчерашней охоте, — сказал Ренар. — Оно бесполезно. Калечные звери — обуза. Они потребляют ресурсы и не приносят пользы. Настоящий глава рода Валькрейн знает, что делать с бесполезными вещами. Добей его.

Он протянул Дэмиану нож. Короткий, с деревянной рукоятью. Простой. Функциональный.

Дэмиан взял нож. Его рука не дрожала. Его лицо не выражало ничего. Он подошёл к клетке. Слуги открыли дверцу и вытащили собаку, прижав её к полу.

Пёс заскулил. Громче. Жалобнее. Он лизнул руку одного из слуг — инстинктивно, по-собачьи, потому что собаки верят, что если лизнуть руку человека, он не причинит зла.

Дэмиан встал над псом. Поднял нож.

Замер.

Три секунды.

Пять.

Десять.

Нож не опускался.

— Дэмиан, — голос Ренара. Холоднее, чем раньше. С нажимом. — Я жду.

Дэмиан стоял. Нож в руке. Пёс скулил под ним, дёргая сломанной лапой. Глаза мальчика — красные, пустые, — были направлены на собаку, но смотрели куда-то сквозь неё. Как будто он пытался найти внутри себя кнопку, которая позволит ему сделать это, и не мог.

— Жалость — это слабость, — сказал Ренар. Его голос стал тише, что было хуже, чем крик. Крик — это эмоция. Тихий голос Ренара — это приговор. — Слабость — это позор. Позор — это смерть. Валькрейны не бывают слабыми. Если ты не можешь убить хромую собаку, как ты убьёшь врага? Как ты защитишь семью? Как ты защитишь...

Он помедлил. Намеренно. Рассчитанно.

— ...свою сестру?

Я видела, как Дэмиан вздрогнул. Едва заметно — дрожь прошла по его плечам, как рябь по воде. Отец нашёл кнопку. Нажал на неё.

Нож опустился.

Пёс дёрнулся. Один раз. Коротко. И затих.

Дэмиан выпрямился. Его руки были в крови — тёмной,

густой, пахнувшей железом. Нож выпал из пальцев, звякнув о каменный пол. Лицо мальчика не изменилось. Ни одна мышца не дрогнула. Но я — я, лежащая на балконе, прижимающая ладонь ко рту, чтобы не закричать, — видела его глаза.

И в этих глазах — на одну секунду, на один краткий, обжигающий миг — я увидела не пустоту.

Я увидела боль.

Чистую, оглушительную, детскую боль. Такую, от которой хочется кричать, но ты не можешь, потому что тебе сказали, что кричать — это слабость. Такую, которая не находит выхода и начинает есть тебя изнутри, как кислота. Такую, которая — если её не остановить — со временем выжжет из тебя всё человеческое и оставит только пепел.

— Хорошо, — сказал Ренар. Ни похвалы, ни одобрения, ни даже удовлетворения. Просто констатация. «Задание выполнено. Следующий пункт». — Вымой руки. Завтра — два пса. Привыкай.

Он развернулся и вышел.

Слуги убрали тело собаки. Молча. С привычной деловитостью людей, которые видели это сотни раз.

Дэмиан остался один в тренировочном зале. Стоял над пятном крови на песке. Его руки висели вдоль тела — грязные, тёмные, маленькие.

Он не плакал.

Я плакала.

Тихо, беззвучно, кусая собственный кулак до боли. Слезы

текли по моим щекам и капали на каменный пол балкона — маленькие, горячие, бесполезные.

Потому что я всё поняла.

Вот так это делается. Вот так создают чудовищ. Не одним ударом — медленно, методично, систематически. День за днём. Задание за заданием. Сначала — крыса. Потом — собака. Потом — две собаки. Потом — конь. Потом — человек. Каждый раз порог сдвигается чуть дальше. Каждый раз боль становится чуть тише. Пока однажды она не замолкает совсем — и на её месте остаётся пустота. Та самая пустота в красных глазах, которую я увидела в первый день.

Дэмиан не родился монстром.

Его делают монстром. Прямо сейчас. Каждый день. Каждую «тренировку воли».

И если я не вмешаюсь, через шесть лет его превратят в то существо, что описано в новелле: герцога Валькрейна, который вырезает деревни, не моргнув, и улыбается, когда кровь брызгает ему на камзол.

Я лежала на балконе, прижавшись щекой к холодному камню, и смотрела, как мой восьмилетний брат стоит над пятном крови в пустом зале. Один. С грязными руками. С мёртвыми глазами.

И я приняла решение.

Не абстрактное, не «когда-нибудь потом», не «нужно подумать». Решение — конкретное, чёткое, со сроками и планом действий.

Герцог Ренар Валькрейн должен исчезнуть из жизни Дэмиана. Навсегда.

В оригинальной новелле он погиб на охоте, когда Дэмиану было четырнадцать. Случайность — дикий вепрь, лошадь понесла, несчастный случай.

Четырнадцать — это через шесть лет. Шесть лет «тренировок воли». Шесть лет ежедневного систематического уничтожения человечности. За шесть лет из Дэмиана выбьют всё — каждую каплю тепла, каждый проблеск боли, каждый росток, который я так отчаянно пытаюсь вырастить.

Шесть лет — это слишком долго.

Нужно ускорить.

Я составила план той же ночью. Лёжа в кровати, с котёнком (тем самым, которого Дэмиан принёс мне в первую неделю — я назвала его Тень, потому что он был чёрный и бесшумный, как его спаситель) на животе, я расчертила в голове схему, достойную моих лучших страховых отчётов.

Убить отца сама я не могла. Мне шесть лет. У меня нет ни силы, ни оружия, ни доступа к ядам (оранжерея с ядовитыми растениями охранялась). И даже если бы у меня всё это было — я не убийца. В прежней жизни я не могла раздавить паука и вызывала соседку, чтобы та вынесла его на балкон. Лично лишить кого-то жизни — даже такого человека, как Ренар Валькрейн, — было за пределами моих возможностей.

Но мне не нужно было убивать его самой.

У меня был Дэмиан.

Нет — стоп. Остановись, Лиана. Подумай. Ты хочешь использовать восьмилетнего ребёнка как орудие убийства собственного отца? Ты серьёзно? Это не делает тебя лучше Ренара. Это делает тебя точно такой же — манипулятором, который калечит детей ради своих целей.

Я закрыла глаза. Тень мурлыкал на моём животе, вибрируя, как маленький меховой моторчик. Я гладила его и думала.

Думала долго.

И пришла к выводу, который мне не нравился, но который был единственно верным.

Я не буду приказывать Дэмиану убить отца. Я не буду даже просить. Я не произнесу ни одного слова, которое можно истолковать как подстрекательство.

Но я создам условия, при которых это произойдёт.

Не сейчас. Не завтра. Постепенно. Шаг за шагом. Так, чтобы когда момент наступит, Дэмиан принял решение сам — и это решение было бы актом освобождения, а не очередной «тренировкой воли».

Разница тонкая? Да. Лицемерная? Может быть. Но я готова нести этот груз. Потому что альтернатива — наблюдать, как из моего брата вынимают душу, по кусочку, каждый вечер, на протяжении шести лет.

Этого я не допущу.

Этап первый «Проекта Подсолнух»: усилить привязанность.

Я удвоила усилия. Каждый вечер после «тренировок воли» — я ждала Дэмиана в его комнате. (Да, я перенесла операцию на его территорию. Он каждый раз удивлялся, обнаруживая меня на своей кровати с книжкой и котёнком, — но ни разу не попросил уйти.)

Я перевязывала ему раны. После фехтования его руки были в ссадинах и синяках, иногда — с порезами, которые наставник оставлял «для мотивации». Служанки боялись приближаться к Дэмиану (после того как он молча уставился на одну из них своими красными глазами в течение двух минут, она упала в обморок и уволилась на следующий день). Поэтому его раны обычно не обрабатывались — он просто ходил с ними, пока те не заживали сами.

Я попросила горничную принести мне набор для перевязки — бинты, мазь с целебными травами, чистую воду. Горничная посмотрела на меня с удивлением: «Леди Лиана, вам всего шесть...» Я посмотрела на неё взглядом, который, видимо, выглядел достаточно убедительно для шестилетки (или достаточно пугающе — красные глаза Валькрейнов, как выяснилось, работали в обе стороны), и она принесла всё без дальнейших вопросов.

В первый вечер, когда я размотала бинт и потянулась к его руке, Дэмиан отдёргнулся.

— Не надо, — сказал он. — Это... ерунда.

— Это не ерунда, — сказала я твёрдо. — Ты поранился. Раны нужно обрабатывать, иначе будет инфекция.

— Что такое «инфекция»? — спросил он, нахмурившись.

Ой. Правильно. Мне шесть. Шестилетние дети в средневековом мире не знают слова «инфекция». Я должна быть осторожнее.

— Это когда рана становится красной, горячей и болит ещё сильнее, — быстро поправилась я. — Мне нянечка рассказывала.

(Никакая нянечка мне ничего не рассказывала. У меня даже нянечки не было — Ренар Валькрейн считал, что дети Валькрейнов не нуждаются в нежности обслуги. Но Дэмиан не проверял мои источники.)

Он позволил мне взять его руку. Я обработала ссадины мазью — осторожно, стараясь не причинить боли. Мои маленькие пальцы были неуклюжими, бинт ложился криво, мазь попала мне на нос, — но я старалась.

Дэмиан смотрел на свою забинтованную руку. Потом — на меня. Потом — снова на руку.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он тихо.

— Потому что ты — мой братик, — сказала я, как будто это был самый очевидный ответ во вселенной. — И я не хочу, чтобы тебе было больно.

Он моргнул. Опустил голову. Его чёрные волосы упали на лицо, скрывая глаза.

— Больно — это нормально, — пробормотал он. — Папа говорит, что боль делает сильнее.

Моё сердце сжалось так, что я на секунду испугалась —

не стану ли первой шестилеткой в истории, умершей от сердечного приступа.

— Папа... не всегда прав, — сказала я. Осторожно. Очень осторожно. Как сапёр, разминировующий бомбу.

Дэмиан поднял голову. В его глазах — то самое, хрупкое, живое — шевельнулось.

— Не всегда? — повторил он, как будто эта мысль никогда не приходила ему в голову. Как будто идея о том, что отец может ошибаться, была столь же невероятна, как идея о том, что луна может быть квадратной.

— Не всегда, — подтвердила я. — Иногда сильным быть — это не терпеть боль. Иногда сильным быть — это... заботиться о ком-то. Защищать. Делать так, чтобы другим не было больно.

Я не была уверена, что он понял. Ему восемь. Его мир — это поместье, отец, тренировки и пустота. Концепция «силы через заботу» была для него, как квантовая физика для первоклассника.

Но он запомнил.

Я знала, что запомнил, — потому что на следующий день он принёс мне не мёртвую крысу.

Он принёс мне живого котёнка.

Второго.

Рыжего.

Прижимал его к груди двумя руками — неуклюже, слишком крепко, так что котёнок пищал и извивался, — и сказал:

— Я нашёл его на конюшне. Конюх хотел утопить — говорил, что от рыжих котов одни проблемы. Я... — Он запнулся. — Я подумал, что ты расстроишься, если его утопят. Поэтому я его забрал.

Он протянул мне котёнка. Рыжий комок шерсти моргал зелёными глазами и яростно мяукал.

— А конюх? — осторожно спросила я.

— Конюх не будет больше топить котят, — ответил Дэмиан.

Его голос был абсолютно ровным. Я решила не спрашивать подробности.

— Спасибо, братик! — я прижала котёнка к себе, и он немедленно вцепился когтями в мою ночную рубашку. — Он прекрасный! Я назову его... Рассвет.

— Рассвет? — Дэмиан чуть наклонил голову.

— Потому что он рыжий. Как утреннее солнце.

Дэмиан посмотрел на котёнка. Потом на Тень — чёрного кота, который сидел на подушке и смотрел на новичка с выражением глубокого презрения. Потом снова на рыжего.

— А Тень — потому что он чёрный? — спросил он.

— Точно!

— ...Странные имена.

— Зато красивые!

Он помолчал. Потом — еле заметно, на краю восприятия, как первый луч рассвета (каламбур не намеренный) — уголок его губ дрогнул.

Не улыбка. Тень улыбки. Призрак улыбки. Отголосок улыбки, которая, возможно, когда-нибудь — через месяцы, годы? — станет настоящей.

Но для меня — для Лианы Валькрейн, бывшего офисного аналитика, нынешней сестры чудовища-в-процессе-создания — этот отголосок стоил больше, чем все сокровища поместья Валькрейн.

Этап второй «Проекта Подсолнух»: посеять зерно сомнения.

Убедить Дэмиана, что отец неправ, — лобовой атакой невозможно. Он слишком мал, слишком запуган, слишком привязан к единственному авторитету в своей жизни. Даже если отец — чудовище, он всё равно — отец. И для ребёнка, у которого нет матери, друзей и вообще никого, кроме холодных стен и расписания тренировок, даже жестокий отец — это якорь. Единственная точка опоры в бушующем океане.

Я не могла вырвать этот якорь. Я могла только предложить другой.

Себя.

Я начала задавать вопросы. Не в лоб — аккуратно, между делом, между сказками на ночь и перевязками ран.

— Братик, а что вы сегодня делали на тренировке?

— Стреляли из лука. Наставник сказал, что я должен попасть в десять мишеней из десяти. Я попал в девять.

— Девять из десяти? Это же отлично!

— Папа сказал, что это неприемлемо.

Пауза.

— А ты что думаешь? — спросила я.

Он посмотрел на меня странно. Как будто вопрос был на незнакомом языке.

— Я?

— Ну да. Ты. Девять из десяти — ты сам доволен?

Он молчал. Долго. Так долго, что я уже решила, что он не ответит.

— Я... не знаю, — сказал он наконец. Медленно. Подбирая каждое слово. — Я не думал об этом. Папа говорит, что доволен должен быть только тогда, когда идеально.

— А если «идеально» — это десять из десяти, а ты попал в девять, то ты расстроен?

— Я... да. Наверное.

— Но ведь вчера ты попал в семь. А сегодня — в девять. Это значит, ты стал лучше, правда?

Он задумался. Снова. Его маленькие брови сошлись на переносице. В его голове — я видела это, буквально видела — скрипели шестерёнки, пытаюсь совместить две несовместимые идеи: «отец говорит, что девять — это провал» и «сестра говорит, что девять — это прогресс».

— Да, — сказал он наконец. Тихо. Неуверенно. Как человек, который ступает на лёд и не знает, выдержит ли. — Наверное, стал лучше.

— Вот видишь! — я улыбнулась так широко, что у меня

заболели щёки. — Я горжусь тобой, братик!

Он замер. «Горжусь» — слово, которое, судя по его реакции, он слышал впервые в жизни. Не «неприемлемо». Не «недостаточно». Не «слабость». «Горжусь».

Его пальцы — те самые, которые вчера вечером сжимали нож над хромой собакой, — потянулись к моей руке. Коснулись. Сжали. Не больно — осторожно, как будто он прикасался к чему-то хрупкому.

— Правда? — спросил он. И в его голосе — в этом тихом, ломком голосе восьмилетнего мальчика — была такая жажда, такое отчаянное, голодное «пожалуйста, скажи, что это правда», что у меня перехватило дыхание.

— Правда, — сказала я.

И это была не ложь. Не манипуляция. Не часть «Проекта Подсолнух».

Я действительно им гордилась.

Потому что этот мальчик — этот маленький, бледный, пугоглазый мальчик, которого бьют, ломают, заставляют убивать животных и называют слабым, — каждый вечер приходит ко мне. Приносит котят, которых спас от утопления. Позволяет мне бинтовать его раны. Слушает сказки. И спрашивает: «Это правда бывает — жить долго и счастливо?»

В нём ещё остался свет.

Маленький. Тусклый. Мерцающий.

Но я — его солнце. Его подсолнух. Его единственный источник тепла.

И я сделаю всё — абсолютно всё, — чтобы этот свет не погас.

Этап третий «Проекта Подсолнух»: подготовка почвы.

Две недели наблюдений дали мне достаточно данных.

Ренар Валькрейн был существом привычки. Каждое полнолуние он уезжал на охоту — в Чёрный лес на северной границе территории. Охота длилась два-три дня. Он брал с собой пятерых егерьей и дюжину гончих.

Чёрный лес был опасен — водились дикие вепри, горные кошки и, по слухам, случайно забредавшие из глубинных лесов рогатые волки. Несчастные случаи на охоте — не редкость. Три года назад барон соседних земель погиб, когда его лошадь понесла и сбросила в овраг.

«Несчастный случай на охоте», — записала я в голове. Именно так погиб Ренар в оригинальной новелле. Только — через шесть лет.

Мне нужно было сократить этот срок. Но я не собиралась быть исполнителем. Мне нужно было создать ситуацию, в которой Дэмиан сам примет решение — осознанно, по собственной воле, — и при этом не сломается.

Потому что разница между «убил, потому что приказали» и «убил, потому что выбрал» — это разница между рабом и свободным человеком.

Дэмиан не должен стать убийцей-роботом, каким его делал отец. Он должен стать человеком, способным принимать тяжёлые решения — и нести за них ответственность.

Но для этого ему нужна причина. Настоящая. Личная. Такая, которая заставит его посмотреть на отца не как на непогрешимого бога, а как на угрозу.

И я — не хотела этого. Господи, как же я не хотела этого. Использовать себя как приманку? Как рычаг давления? Подставиться под удар, чтобы Дэмиан увидел, что отец — враг?

Но другого пути я не видела.

Через две недели, когда я окончательно убедилась, что привязанность Дэмиана ко мне достаточно сильна, я перешла к следующему этапу.

Я перестала прятаться от отца.

И начала... привлекать его внимание.

Однажды вечером — через три недели после моего пробуждения — я сидела в библиотеке, когда Ренар вошёл.

Он искал книгу по военной стратегии. Я сидела в кресле, слишком большом для моего тела, свесив ноги, не достающие до пола, и читала — точнее, делала вид, что читаю — трактат по истории рода Валькрейн.

Он заметил меня. Остановился. Его тяжёлый взгляд — два раскалённых рубина — скользнул по мне, как луч проектора.

— Лиана. Что ты здесь делаешь?

— Читаю, папа, — ответила я, подняв на него глаза с отработанным выражением детского энтузиазма. — Про нашу семью. Тут написано, что прапрадедушка Виктор Валькрейн выиграл битву при Ашенфелде, хотя у него было в три раза

меньше солдат! Он использовал ложное отступление, чтобы заманить врага в ловушку. Это правда?

Ренар смотрел на меня. Его лицо — обычно неподвижное, как камень, — чуть изменилось. Еле заметно. Один миллиметр удивления.

— Ты... читаешь военную историю? — спросил он.

— Да! Тут так интересно! Особенно про стратегии. Вот смотри, — я ткнула пальцем в страницу, — тут написано, что прапрадедущка сказал: «Враг ожидает, что ты будешь сильным. Стань умным — и сила не понадобится». Это очень мудро, правда?

Пауза.

Ренар подошёл ближе. Наклонился. Посмотрел на книгу, которую я держала.

— Тебе шесть лет, — сказал он. В его голосе — не одобрение. Не нежность. Но и не привычное равнодушие. Что-то другое. Оценка. Переоценка. Как будто он впервые увидел в инвентарной графе «дочь» что-то, что заслуживало внимания.

— Да, папа, — ответила я. И добавила, рассчитанно: — Я хочу быть полезной нашей семье. Как прапрадедущка Виктор. Только я девочка, мне нельзя воевать, поэтому я буду умной. Ты ведь не против?

Он молчал секунд десять. Потом выпрямился. Кивнул — коротко.

— Читай, — сказал он. И вышел.

Я выдохнула.

Зерно — посажено.

Первое впечатление — создано. Дочь — не бесполезная. Дочь — умная. Дочь — потенциально ценный актив для семьи.

Мне не нужна была его любовь. Мне нужно было его внимание. Потому что внимание Ренара Валькрейна — это как солнечный свет через увеличительное стекло: может согреть, а может сжечь. И когда он направит это внимание на меня с целью «закалить» и «тренировать» — как он делает с Дэмианом, — вот тогда Дэмиан увидит. Увидит, что отец — не защитник. Отец — угроза. Для единственного человека, который имеет для Дэмиана значение.

Для меня.

И тогда он сам решит, что делать.

А пока — я читала.

Изучала историю рода. Законы Империи. Карту территорий. Экономику (примитивную, но функциональную). Магическую систему (сложную и до ужаса интересную).

Выяснилось, что магия в Азгароне — это не взмахи палочкой и заклинания на латыни. Это сложная наука, завязанная на внутреннюю энергию человека — «эфирный резерв». У большинства людей он минимален. У одарённых — значителен. У гениев — колоссален.

У Валькрейнов магического потенциала не было. Вообще. Ноль. Это была их фамильная особенность — в обмен

на невероятную физическую выносливость и регенерацию, Валькрейны были полностью лишены магического дара. Они компенсировали это артефактами, наёмными магами и, в основном, грубой силой.

Это объясняло, почему Дэмиан в новелле полагался на армию и шпионов, а не на магию. И почему Серафина — с её архимагическим потенциалом — была для него такой непреодолимой угрозой.

А я?

Я подняла руку. Маленькую, бледную, с розовыми пальцами. Попыталась почувствовать что-нибудь — тепло, покалывание, поток энергии. Что-нибудь.

Ничего.

Пусто. Как батарейка без заряда.

Ну что ж. Без магии, значит без магии. Прапрадедушка Виктор обходился умом — и я обойдусь.

Я захлопнула книгу, погладила Тень (который спал на соседнем кресле, свернувшись в чёрный клубок) и пошла к Дэмиану. Он должен был вернуться с вечерней тренировки через пятнадцать минут.

У меня были бинты, мазь и новая сказка — про маленького волка, который не хотел быть злым.

Мне кажется, ему понравится.

Он вернулся на двадцать минут позже обычного.

Я ждала в его комнате, сидя на полу у камина, с обоими котами и книжкой. Тень дремал у моей левой ноги. Рассвет

— рыжий хулиган — яростно сражался с кисточкой, которую я привязала к верёвке.

Когда дверь открылась, я подняла голову — и слова приветствия застряли у меня в горле.

Дэмиан стоял на пороге. Его тренировочный костюм — чёрный, плотный, с усиленными вставками на плечах и локтях — был порван. На правой скуле — свежая ссадина, уже начинающая наливаться фиолетовым. Нижняя губа — разбита, с засохшей полоской крови в уголке рта.

Но не это заставило меня замереть.

Его руки.

Его маленькие, бледные руки — те самые, которые я бинтовала каждый вечер, — были красными. Не от ссадин. Красными от чужой крови — до локтей, как перчатки. Кровь была тёмной, густой, уже подсыхающей на коже коричневатыми разводами.

Дэмиан стоял в дверях и смотрел на меня. Его красные глаза — в темноте комнаты они казались почти чёрными — были неподвижными.

— Братик? — я встала. Медленно. — Что случилось?

Он вошёл. Закрыл дверь. Прислонился к ней спиной — маленький мальчик с окровавленными руками, стоящий у двери своей спальни, как часовой у ворот.

— Тренировка, — сказал он. Голос — ровный. Пустой. — Папа сказал... сегодня — без ножа.

Без ножа.

Я поняла. Мгновенно. И желудок перевернулся.

«Тренировка воли». Следующий уровень. Не нож — руки. Убить животное голыми руками. Почувствовать, как жизнь уходит из тела под твоими пальцами. Без дистанции, без оружия, без буфера между тобой и смертью.

Ему восемь лет.

Ему. Восемь. Лет.

Я подошла к нему. Мои ноги двигались сами — мозг ещё обрабатывал информацию, а тело уже действовало. Я взяла его за руку — грязную, липкую, пахнущую медью и смертью — и повела к тазу с водой, который стоял на столике у кровати.

Он не сопротивлялся. Не говорил. Просто шёл за мной, как заводная кукла.

Я мыла его руки. Тёплая вода окрашивалась красным — сначала ярко, потом всё бледнее, как акварель, разведённая в стакане. Я тёрла его пальцы, его ладони, его запястья — мягко, осторожно, стараясь не задеть ссадины.

Дэмиан смотрел на воду. На красные разводы, расплывающиеся в тазу.

— Это была собака, — сказал он вдруг. Тихо. Без эмоций. — Та, с конюшни. Рыжая. Которая всегда виляла хвостом, когда я проходил мимо.

Моя рука остановилась.

— Папа сказал... что я привязался. Что привязанность — слабость. Что Валькрейн должен уметь уничтожить то, к че-

му привязан, иначе враг использует это против него.

Я молчала. Потому что если бы я открыла рот, я бы закричала. Или заплакала. Или и то, и другое одновременно.

— Она виляла хвостом, — повторил Дэмиан. — Даже когда я... — Он не закончил. Его пальцы в моих ладонях дрогнули. — Даже в самом конце.

Тишина.

Вода в тазу была розовой. Рассвет — рыжий котёнок — подошёл и потёрся о ногу Дэмиана, мяукая. Дэмиан посмотрел на него. Долго. С выражением, которое я не могла прочитать.

— Сестрёнка, — сказал он. — Папа говорит, что если я не избавлюсь от привязанностей, враги используют их, чтобы уничтожить меня. И... и тебя.

Он поднял на меня глаза. И в них — за пустотой, за стеной, за всеми слоями защиты, которые восемь лет жизни с Ренаром Валькрейном навалили на его душу, — я увидела вопрос.

Не произнесённый. Но оглушительно громкий.

«А что, если папа когда-нибудь решит, что я привязан к тебе?»

«Что, если он решит, что ты — моя слабость?»

«Что тогда?»

Мне стало так холодно, что я перестала чувствовать пальцы.

Потому что я знала ответ. Я прочитала его в одной строке

новеллы, написанной автором, для которого смерть шестилетней девочки была всего лишь сюжетным приёмом.

«Его младшая сестра погибла...»

А что, если она погибла не случайно? Не от яда на светском приёме? Что, если «несчастный случай» был — последней тренировкой воли?

Что, если Ренар Валькрейн убил собственную дочь, чтобы сломать собственного сына?

Я не знала. В новелле не было деталей. Но одна мысль — одна ледяная, чудовищная мысль — впилась в мой мозг, как рыболовный крючок: это возможно. С таким человеком, как Ренар, — это абсолютно возможно.

Я опустилась на колени перед Дэмианом. Взяла его мокрые, чистые, дрожащие руки. Прижала к своим щекам — тёплым, мокрым от слёз, которые я больше не могла сдерживать.

— Послушай меня, — сказала я. Мой голос — дрожащий, детский, ненадёжный — вибрировал от усилия. — Послушай. Ты не должен ничего уничтожать. Слышишь? Ты не должен. Ни собак, ни котят, ни... ни меня. Ты можешь быть сильным и при этом любить. Ты можешь быть Валькрейном и при этом быть... хорошим. Папа ошибается. Он ошибается, братик. Привязанность — это не слабость. Привязанность — это... это единственное, что делает нас живыми.

Дэмиан смотрел на меня. Не моргая. Не дыша. Маленький мальчик с красными глазами и чистыми руками, стоящий на

пороге между человеком и чудовищем.

Я не знала, услышал ли он меня.

Не знала, понял ли.

Но я знала одно: времени больше нет.

Ренар Валькрейн не будет ждать шесть лет. Он уже ломает Дэмиана. Каждый день. Каждую ночь. И рано или поздно — может быть, завтра, может быть, через месяц — он посмотрит на меня и увидит не дочь, а инструмент. Последнюю привязанность, которую нужно уничтожить, чтобы завершить «воспитание» идеального Валькрейна.

И тогда меня убьют.

Не яд на светском приёме. Не несчастный случай. Просто — следующее задание для Дэмиана. «Тренировка воли. Финальный уровень. Объект — твоя сестра».

Мне стало так страшно, что мир вокруг поплыл.

Но страх — хороший мотиватор.

Лучший, чем надежда.

Той ночью, когда Дэмиан уснул рядом со мной (он засыпал в моей комнате каждую ночь теперь — я была единственным местом, где его дрожь прекращалась), я лежала в темноте и пересматривала план.

«Проект Подсолнух» нуждался в ускорении. Радикальном.

Мне нужно было создать ситуацию, в которой Дэмиан увидит отца не просто как «строгого наставника», а как прямую угрозу мне. Его сестре. Его единственному свету.

И для этого мне нужно было...

...подставиться.

Намеренно. Осознанно. Контролируемо.

Показать Ренару, что я слишком умна, слишком влиятельна, слишком важна для Дэмиана. Спровоцировать его на действие — крик, удар, угрозу, — которое Дэмиан увидит. И после которого Дэмиан поймёт: отец — враг.

Это было рискованно. Чудовищно рискованно. Мне шесть лет. Ренар мог убить меня одним ударом — и не потому что хотел, а потому что не рассчитал силу. Или потому что ему было всё равно.

Но альтернатива — ждать шесть лет, пока Дэмиана не превратят в машину, а меня не убьют как «последнюю слабость» — была хуже.

Я посмотрела на спящего Дэмиана. Его лицо — спокойное, мягкое, детское. Во сне он выглядел таким... обычным. Таким нормальным. Просто мальчик. Просто ребёнок.

«Я вытащу тебя, — подумала я. — Даже если для этого мне придётся стать приманкой в ловушке, которую я сама построила».

«Я обещаю».

Рассвет — рыжий котёнок — запрыгнул на кровать и улёгся мне на грудь, урча. Тень свернулся у моих ног. Дэмиан тихо дышал рядом, и его холодная рука — даже во сне — держала краешек моего одеяла.

Три существа. Два кота и один будущий монстр. Моя се-

мья.

Странная. Сломанная. Опасная.

Но — моя.

Я закрыла глаза.

Завтра начинается следующий этап.

Завтра я начну провоцировать самого опасного человека в поместье.

Завтра я буду танцевать на лезвии ножа, балансируя между жизнью и смертью, между защитой и жертвой, между любовью и манипуляцией.

Но это — завтра.

А сейчас — мне шесть лет, у меня два кота, тёплая кровать и брат, который спит рядом, потому что рядом со мной ему не снятся кошмары.

Глава 3. «Первая кровь»

Мне потребовался месяц.

Тридцать один день расчётов, наблюдений, бессонных ночей и маленьких, точечных, ювелирно выверенных провокаций — прежде чем все фигуры на доске встали туда, куда нужно.

Я не торопилась. Торопливость — враг стратегии. Это я усвоила ещё в «Гранит-Полис», когда мой начальник, Аркадий Семёнович, мужчина с потным лбом и привычкой жевать колпачки от ручек, однажды изрёк единственную мудрую вещь в своей жизни: «Маргарита» (он так и не выучил моё настоящее имя), «торопливый страховщик — мёртвый страховщик». Он имел в виду, что нельзя подписывать полис, не перечитав мелкий шрифт. Я применяла этот принцип к планированию убийства собственного отца.

Жизнь — странная штука.

Но начну по порядку.

Первые десять дней я посвятила разведке.

Мне нужно было знать о Ренаре Валькрейне всё: расписание, привычки, маршруты, слабости, контакты, уязвимые точки. Я была шестилетней девочкой в огромном мрачном поместье, но у меня было два преимущества, которых не было ни у кого: взрослый аналитический мозг и абсолютная невидимость. Никто не обращает внимания на ребёнка. Ни-

кто не замолкает, когда в комнату входит шестилетняя девочка с книжкой и котёнком. Никто не проверяет, подслушивает ли она за дверью кабинета — потому что ни один нормальный человек не ожидает от ребёнка шпионажа.

А я — не нормальный человек. Я — двадцативосьмилетний офисный аналитик в теле аристократки, загнанная в угол между каноническим сюжетом, в котором я умираю, и реальностью, в которой мой отец превращает моего брата в серийного убийцу.

Нормальность — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Итак, разведданные.

Ренар Валькрейн. Досье.

Возраст: около сорока двух лет. Здоровье: превосходное. Физическая форма: как у профессионального бойца — широкие плечи, сухие мускулы, рефлекс хищника. Семейная черта Валькрейнов — повышенная выносливость и ускоренная регенерация — делала его опаснее любого наёмника.

Расписание: подъём в четыре тридцать. Утренняя тренировка с мечом — один час. Завтрак — двадцать минут, в кабинете, в одиночестве. С шести до полудня — управление территорией: встречи с управляющими, финансовые отчёты, переписка с имперским двором. Обед — тридцать минут. После обеда — объезд территории верхом или приём вассалов. Вечер — «тренировка» Дэмиана. Ужин — в одиночестве. Отход ко сну — десять вечера.

Каждое полнолуние — охота в Чёрном лесу. Два-три дня. Берёт пятерых егерьей и стаю гончих.

Слабости...

Вот тут я застряла. У этого человека не было слабостей в привычном смысле. Он не пил. Не играл в азартные игры. Не имел любовниц — или, если имел, то так искусно это скрывал, что даже дворовые сплетницы не шептались. Он не привязывался к людям — слуги были для него инвентарём, вассалы — ресурсом, дети — проектом.

Но одна деталь зацепила мой глаз.

Кабинет Ренара. Дверь с магическим замком — артефакт, который открывался только на его ауру (у Валькрейнов нет магии, но аура есть у всех живых существ; замок считывал уникальный «отпечаток»). Внутри — помимо рабочего стола, карт и документов — сейф. Большой. Из зачарованной стали.

Я не знала, что в сейфе. Но я знала, что Ренар открывал его каждый вечер перед сном и проводил внутри кабинета ровно двадцать минут. Каждый вечер. Без исключений. Даже когда был болен. Даже когда поместье заваливало снегом и слуги не могли добраться до своих комнат.

Двадцать минут каждый вечер. С религиозной педантичностью.

Что бы ни было в этом сейфе — это было важно для Ренара. Может быть, единственная важная вещь.

Я запомнила это и двинулась дальше.

Следующий этап — изучение поместья.

Чёрный лес начинался в двух километрах от восточной стены поместья. Я исследовала территорию настолько, насколько могла, не вызывая подозрений — прогулки в саду, «случайные» забредания к конюшням, «игры» у восточных ворот.

Конюшни были ключевым звеном. Двенадцать лошадей, все — породистые, все — дрессированные для охоты. Жеребец Ренара — огромный вороной зверь по кличке Гром — стоял в отдельном стойле, размером с мою бывшую квартиру. Гром был великолепен и ужасен одновременно: мускулистый, нервный, с дурным нравом и привычкой кусать конюхов, которые подходили слишком близко.

Главный конюх, Бертран — пожилой мужчина с кривыми ногами и руками, покрытыми шрамами от укусов, — ухаживал за Громом лично. Я «случайно» разговорила с ним (дети задают вопросы — это нормально, это не подозрительно).

— Дядя Бертран, а Гром — он добрый?

Бертран хмыкнул, почёсывая щетину:

— Добрый? Эта скотина? Простите, леди, но ваш батюшка выбрал этого жеребца именно потому, что он злой, как чёрт. Быстрый, выносливый, но с норовом. Одного конюха два года назад лягнул так, что бедняга месяц не мог сидеть.

— А почему он такой злой?

— Дак порода такая, леди. Чёрные азгарские скакуны — они все нервные. Особливо если подпруга жмёт или узда на-

тянута неправильно. Тогда Гром вообще бесится — встаёт на дыбы, мотает головой, может и всадника сбросить.

— А папа? Папу он тоже может сбросить?

Бертран побледнел.

— Упаси боги, леди. Ваш батюшка — лучший наездник в северных землях. Гром его слушается. Но... — Он оглянувшись, словно проверяя, не подслушивает ли кто. — Между нами, леди, — был один раз. Года три назад. Подпруга ослабла на охоте — плохо затянули. Гром понёс, ваш батюшка еле удержался. Потом он выпорол конюха, который седлал Грома, так, что тот неделю лежал пластом.

Я кивнула. Погладила деревянную стенку стойла. Гром покосился на меня одним чёрным глазом — настороженно, но без агрессии. Дети его не раздражали. Дети были слишком мелкими, чтобы представлять угрозу.

— Спасибо, дядя Бертран, — сказала я с лучезарной улыбкой. — Вы очень интересно рассказываете!

— Всегда рада помочь, леди, — буркнул он, явно не понимая, зачем шестилетней девочке знать о подпругах и нервных лошадях.

Я ушла. В моей голове — там, где раньше хранились таблицы Excel и страховые коэффициенты — выстраивалась новая схема.

Подпруга. Гром. Чёрный лес. Полнолуние.

Параллельно я работала с Дэмианом.

Наша рутина укрепилась: каждый вечер — перевязки,

сказки, разговоры. Два кота спали на кровати, создавая иллюзию нормальной, тёплой, семейной жизни, которой у нас никогда не было и не могло быть — но которую мы оба отчаянно делали вид, что имеем.

Дэмиан менялся. Медленно — как ледник тает под весенним солнцем: незаметно для стороннего наблюдателя, но неуклонно. Он стал чаще приходить ко мне не только вечером, но и днём — в перерывах между тренировками, на пять минут, на десять. Иногда — молча. Просто садился рядом, смотрел, как я читаю или играю с котами, и через несколько минут уходил. Как будто ему нужно было убедиться, что я — на месте. Что я — реальна. Что я — не исчезну.

Его улыбка — та самая тень улыбки, которую я увидела в первую неделю — стала появляться чаще. Не каждый день. Не по команде. Но иногда, когда я говорила что-то глупое (намеренно — я разработала целый репертуар детских шуток, адаптированных для аудитории из одного социопата), уголок его губ поднимался. На миллиметр. На два.

Однажды — это было на двенадцатый день — он засмеялся.

Я рассказывала ему историю (выдуманную) о том, как в моей комнате завёлся «призрак носков» — невидимое существо, которое крадёт один носок из каждой пары, и поэтому у меня всегда остаются непарные. «Может, это Тень их ест?» — предположила я, указывая на чёрного кота, который в этот момент меланхолично вылизывал себе живот. «Нет,

Тень ест только свою шерсть и мою волю к жизни».

И Дэмиан — мой бледный, пустоглазый, травмированный брат — тихо рассмеялся.

Не громко. Не раскатисто. Тихий, сдержанный смешок, как будто звук вырвался из него помимо его воли, и он сам удивился — что это за странная вибрация в горле и почему от неё тепло в груди?

Я замерла. Смотрела на него. Запоминала этот момент — каждую деталь: как дрогнули его губы, как прищурились его красные глаза, как на одну секунду его лицо стало лицом обычного ребёнка, а не будущего массового убийцы.

И подумала: «Вот ради этого. Ради этого одного мгновения — я готова сделать всё, что нужно».

На четырнадцатый день произошло то, чего я ждала и боялась одновременно.

Ренар обратил на меня внимание.

Не мимолётное, как в библиотеке. Настоящее, целенаправленное, опасное внимание.

Я сидела в малой гостиной, решая математическую задачу из учебника (для детей десяти лет — мой учитель, тощий бородатый мужчина по имени Магистр Оллен, был в восторге от моих «способностей» и давал мне материал на три-четыре класса вперёд). Ренар проходил мимо. Остановился. Посмотрел на мои записи.

— Тройные уравнения? — произнёс он. — Магистр Оллен учит тебя тройным уравнениям?

— Да, папа, — ответила я, не поднимая головы. Как будто мне не важно его присутствие. Как будто я поглощена задачей. (На самом деле мои руки тряслись от адреналина, и цифры плыли перед глазами.)

— Тебе шесть.

— Мне скоро семь.

Пауза.

Ренар вошёл в гостиную. Сел в кресло напротив. Он никогда раньше не садился в мою компанию — максимум стоял в дверях, бросал пару слов и уходил. Но сейчас — сел. Скрестил ноги. Сложил руки. И смотрел на меня тяжёлым, давящим, оценивающим взглядом.

— Магистр Оллен говорит, что ты — самая способная ученица, которую он видел за тридцать лет преподавания, — сказал Ренар. Его голос — ровный, бесцветный. Констатация факта. — Он говорит, что ты читаешь на уровне двенадцатилетнего, считаешь быстрее его самого и задаёшь вопросы, от которых он... смущается.

«Потому что я спросила его, как рассчитать вероятность банкротства аристократического дома при четырёх переменных, — подумала я. — И он не знал, что такое „переменная“, потому что в этом мире теория вероятностей ещё не изобретена».

— Я просто люблю учиться, папа, — сказала я. Робко. Скромно. С лёгким румянцем.

Ренар молчал. Его красные глаза — тяжёлые, неподвиж-

ные — изучали меня, как энтомолог изучает необычную бабочку, прежде чем пришпилить её булавкой к картону.

— Я наблюдаю за тобой, — сказал он наконец. — Последние две недели. Ты — не обычный ребёнок, Лиана.

Холод прошёл по моему позвоночнику. Не фигуральный — буквальный. Как будто кто-то провёл ледяным пальцем от затылка до поясницы.

— Я просто стараюсь быть полезной семье, — повторила я свою заученную формулу.

— Полезной, — повторил он. Как будто пробовал слово на вкус. — Да. Возможно. Дэмиан — мой наследник. Мой меч. Но мечу нужны... ножны. Направление. Контроль. — Он наклонился вперёд. — Ты влияешь на него, Лиана. Он стал мягче. Медленнее реагирует на приказы. Служанки доложили, что он перестал пугать их. Наставник по фехтованию говорит, что Дэмиан отказался добить тренировочного раба вчера. Впервые.

Мой мозг стремительно анализировал: это хорошо или плохо? Ренар видит моё влияние. Это — опасно. Но то, как он об этом говорит... «Ножны». «Направление». «Контроль». Он не злится. Он... оценивает. Прикидывает. Решает, полезна я или вредна.

— Дэмиан любит меня, папа, — сказала я. Просто. Честно. — И я люблю его. Разве это плохо?

Ренар откинулся в кресле. Его лицо — непроницаемое, каменное — не изменилось.

— Любовь — это инструмент, Лиана. Как меч, как яд, как золото. В правильных руках — оружие. В неправильных — слабость. — Он встал. — Я подумаю, как тебя использовать. И вышел.

Я сидела в кресле, вцепившись в карандаш так, что он треснул. Мои пальцы побелели. В груди бился сердечный ритм, который любой кардиолог назвал бы тахикардией.

«Я подумаю, как тебя использовать».

Не «как тебя воспитать». Не «как тебя защитить». Не «как сделать тебя счастливой».

«Как тебя использовать».

Его собственную дочь. Шести лет.

Я сжала зубы.

«Ладно, герцог. Вы хотите меня использовать? Давайте посмотрим, кто кого использует первым».

На восемнадцатый день Ренар вызвал меня в свой кабинет.

Это было впервые. Раньше он никогда не приглашал меня к себе — я существовала на периферии его мира, как мебель, как обои, как одна из десятков вещей, которые он оплачивал, но не замечал.

Кабинет был именно таким, каким я его представляла: тёмные стены, массивный стол из чёрного дерева, карты территорий на стенах, стойка с оружием (церемониальные мечи, но достаточно острые, чтобы убить), и — сейф. Большой. В углу. Из стали, покрытой рунами.

— Садись, — сказал Ренар, указывая на стул перед столом.

Я села. Мои ноги болтались в воздухе, не доставая до пола. Я чувствовала себя ребёнком на допросе — что, собственно, и было правдой.

— Я принял решение, — сказал он. — Ты будешь присутствовать на моих совещаниях с управляющими. Слушать. Учиться. Если ты действительно так умна, как говорит Магистр Оллен, я хочу это видеть сам.

Мой первый импульс — радость. Доступ к информации! К реальной информации — финансы, политика, управление территорией! Это было именно то, что мне нужно для долгосрочного планирования.

Мой второй импульс — ужас. Потому что я поняла, что он делает. Он не «развивает мой потенциал». Он тестирует меня. Как он тестирует Дэмиана — только другими методами. Для Дэмиана — меч и кровь. Для меня — интеллект и интриги. Две стороны одной монеты. Два инструмента в арсенале Валькрейнов.

— Да, папа, — сказала я. — Спасибо.

— Благодарить не нужно. Это не подарок. Это — обязанность. — Он посмотрел на меня прямо. — И ещё кое-что. Дэмиан проводит с тобой слишком много времени. Это нарушает его расписание. Я ограничиваю ваши встречи: только за ужином и час перед сном.

Удар. Прямой, точный, рассчитанный. Он бил по самому

больному — по нашей связи с Дэмианом.

— Но, папа... — начала я, и мой голос — предательский, детский, тонкий — дрогнул. Не притворство. Настоящая паника.

— Это не обсуждается, — отрезал Ренар. — Дэмиан — будущий герцог. Он должен быть сильным. Ты делаешь его мягким. Это недопустимо.

Я смотрела на него. На этого огромного, каменного человека с глазами цвета засохшей крови, который сидел за столом, заваленным картами и документами, и с хирургической точностью отрезал меня от единственного человека, ради которого я переписывала историю.

И я поняла: он видит. Он всё видит. Он видит, что Дэмиан привязан ко мне. Видит, что я — единственное, что делает Дэмиана человеком. И он это уничтожит. Не потому что ненавидит — потому что считает «человечность» дефектом. Ошибкой в программе. Багом, который нужно исправить.

Мой план ускорения был правильным. Более того — он был необходим. Ренар не будет ждать. Он уже начал.

— Я поняла, папа, — сказала я тихо. — Только за ужином и час перед сном.

Он кивнул. Жестом отпустил меня.

Я вышла из кабинета на негнущихся ногах. Прошла по коридору. Завернула за угол. Дошла до ниши за гобеленом с оленьей охотой.

И там — в темноте, в пыли, в тишине — я позволила себе

дрожать.

Минуту. Две. Три.

Потом — остановилась. Вытерла лицо. Выпрямилась.

И пошла к конюшне.

Следующие десять дней я жила двойной жизнью. Тройной, если считать мою внутреннюю.

Внешняя жизнь номер один: послушная дочь. Я присутствовала на совещаниях Ренара. Сидела тихо. Слушала. Записывала (он разрешил — видимо, хотел проверить, что именно я считаю важным). Иногда — задавала вопросы. Аккуратные, продуманные, демонстрирующие ум, но не чрезмерный. Ренар наблюдал за мной, как натуралист за редким животным: с холодным интересом и полным отсутствием эмоциональной привязанности.

Управляющие были в растерянности. Шестилетняя девочка на совещании по сбору налогов — это было нечто новое даже для поместья Валькрейн, где странности были нормой. Но никто не решался возразить герцогу. Один из управляющих — толстый мужчина с потным лбом и бегающими глазками (я мысленно назвала его «Аркадий Семёнович» в честь моего бывшего начальника) — попытался.

— Ваша Светлость, с уважением, но совещание по управлению территорией — не место для детей, — сказал он, нервно потирая руки.

Ренар посмотрел на него. Пять секунд. Молча.

«Аркадий Семёнович» побледнел, вспотел ещё сильнее и

замолчал навсегда. (Не навсегда-навсегда — он просто больше никогда не возражал. Хотя, учитывая методы Ренара, «навсегда-навсегда» тоже было возможным вариантом.)

Я впитывала информацию, как губка. Финансы поместья, торговые маршруты, отношения с соседними аристократами, тайные договорённости с имперским двором. Всё это было мне нужно — не сейчас, но потом, когда Дэмиан станет герцогом и ему понадобится кто-то, кто разбирается в экономике лучше, чем он разбирается в убийствах.

Внешняя жизнь номер два: любящая сестра. Час перед сном — мой единственный легальный час с Дэмианом — я использовала с максимальной эффективностью. Каждая минута — на счету. Перевязки, сказки, разговоры, объятия. Я вкладывала в этот час столько тепла, сколько могла — сжатого, концентрированного, как солнечный луч через линзу.

Дэмиан чувствовал перемену. Он не понимал, почему мы больше не можем проводить дни вместе — я сказала ему, что «папа хочет, чтобы ты больше тренировался», — но он чувствовал потерю. Его глаза стали снова тускнеть. Тень улыбки появлялась реже. Он стал жёстче с прислугой — одну из горничных довёл до слёз одним взглядом.

Он откатывался. Без моего постоянного присутствия — откатывался к заводским настройкам: пустота, холод, механическая жестокость.

Я видела это — и каждый раз, когда видела, в моей груди что-то сжималось, как кулак.

«Быстрее. Нужно быстрее».

Внутренняя жизнь: подготовка.

Я ходила к конюшне каждый день. «Навещала лошадок». Болтала с Бертраном. Кормила Грома яблоками (он привык ко мне — шестилетняя девочка с яблоками не вызывала у него агрессии). Изучала снаряжение: сёдла, подпруги, стрелена.

Подпруга — это ремень, который крепит седло к лошади. Если подпруга затянута правильно — седло держится крепко, всадник в безопасности. Если подпруга ослаблена — седло сползает, всадник теряет равновесие. На полном скаку, в лесу, среди деревьев и кустарника — это верная гибель.

Я изучила подпругу Грома. Толстый кожаный ремень с металлической пряжкой. Пряжка фиксировалась на зубчатой планке — три зубца, три уровня затяжки. Первый — слабо. Второй — нормально. Третий — туго.

Если переставить пряжку с третьего зубца на первый — подпруга ослабнет. Не настолько, чтобы седло упало сразу — нет, поначалу всё будет казаться нормальным. Но через полчаса скачки, когда ремень растянется от нагрузки, когда пот лошади сделает кожу скользкой — седло начнёт сползать. Медленно. Незаметно. Пока не станет слишком поздно.

Я могла это сделать. Физически — могла. Пряжка не требовала силы — только ловкости. Мои маленькие пальцы были достаточно тонкими, чтобы подцепить зубец.

Но я не собиралась этого делать.

Я — не убийца.

Я — катализатор.

На двадцатый день Ренар начал «тренировать» меня.

Не так, как Дэмиана. Не физически. Он был слишком умён для этого — он понимал, что моя ценность не в мускулах, а в мозгах. Ломать мои мозги кулаками было бы нерационально.

Вместо этого он начал ломать мою волю.

Первый тест: он привёл меня на совещание и при всех управляющих попросил высказать мнение о торговом маршруте через перевал Когтей. Я, подготовленная и уверенная, изложила свой анализ: маршрут убыточен из-за зимних снегопадов, лучше перенаправить караваны через южный тракт, потери сократятся на двадцать процентов.

Ренар выслушал. Кивнул. Потом повернулся к управляющему и сказал:

— Игнорируйте. Продолжаем через перевал.

Управляющий кивнул. Совещание продолжилось.

Я сидела, красная от унижения. Мои расчёты были верными — я знала это. Ренар тоже знал — я видела это по его глазам. Но он отверг их. Намеренно. Публично. Чтобы показать мне: твой ум ничего не значит, если я так решу. Ты — инструмент. Инструмент не имеет права на мнение. Инструмент делает то, что скажет хозяин.

Второй тест: через два дня он посадил меня рядом с собой за ужином (впервые — раньше я ела отдельно). За столом

сидел Дэмиан — бледный, напряжённый, с новым синяком на скуле.

— Лиана, — сказал Ренар, разрезая мясо на тарелке. — Расскажи мне, что ты думаешь о тренировках Дэмиана.

Ловушка. Очевидная, грубая, классическая ловушка.

Если я скажу «тренировки жестокие» — я выступлю против отца. Он воспримет это как бунт и ужесточит контроль.

Если я скажу «тренировки отличные» — я предам Дэмиана. Он услышит, что сестра одобряет то, что с ним делают, и потеряет доверие ко мне.

Если я промолчу — покажу слабость. Ренар не терпит слабых.

Три варианта. Все — плохие.

Я выбрала четвёртый.

— Я думаю, — сказала я, аккуратно накалывая кусочек мяса на вилку (серебряную, с гербом Валькрейнов — в этом доме даже столовые приборы напоминали о том, кто ты такой), — что Дэмиан станет великим герцогом. Сильнее прапрадедушки Виктора. Потому что у него есть то, чего не было у Виктора.

Ренар поднял бровь. Дэмиан замер, глядя на меня.

— И что же? — спросил отец.

— Я, — ответила я. — У Виктора не было умной сестры, которая решала бы за него уравнения и читала скучные книжки. А у Дэмиана — есть. Поэтому он может тренироваться и быть сильным, а я буду думать и быть умной. Вме-

сте мы — непобедимы.

Тишина.

Дэмиан смотрел на меня. В его глазах — тёплый, живой свет. Маленькая искра, которая каждый раз загоралась, когда я говорила о нём с гордостью.

Ренар смотрел на меня. В его глазах — расчёт. Холодный, механический, как работа арифмометра. Он просчитывал: полезна ли эта динамика? Усиливает ли она Дэмиана как инструмент — или ослабляет?

Наконец он кивнул.

— Возможно, — сказал он. И вернулся к мясу.

Я перевела дыхание. Тест пройден. Не идеально — но пройден.

Дэмиан под столом нашёл мою руку и сжал. Крепко. Его пальцы — холодные, как всегда, — переплелись с моими.

Я сжала в ответ.

«Держись, братик. Скоро. Скоро всё закончится».

На двадцать пятый день Ренар перешёл черту.

Это произошло вечером. Я шла по коридору восточного крыла — поздно, после того как уложила Дэмиана спать (мой легальный час закончился двадцать минут назад, но я задержалась, потому что он попросил ещё одну сказку, и я не смогла отказать). Коридор был тёмным — факелы догорали, слуги уже разошлись.

Ренар вышел из тени, как призрак. Я не слышала его шагов — он двигался бесшумно, как и его сын. Семейная чер-

та Валькрейнов — не только красные глаза и физическая выносливость, но и это: способность появляться из ниоткуда и исчезать в никуда.

— Ты нарушила расписание, — сказал он. Его голос — тихий, ровный, — звучал в пустом коридоре, как удар хлыста.

— Простите, папа. Дэмиан попросил...

— Мне не важно, что попросил Дэмиан. Я установил правила. Ты их нарушила.

Он стоял надо мной — огромный, чёрный, как башня. Я — маленькая, босая (я сняла туфли, чтобы не шуметь в коридоре), в ночной рубашке с кружевами.

— Это не повторится, папа, — сказала я.

— Нет. Не повторится, — согласился он.

И ударил.

Не кулаком. Ладонью. Открытой ладонью — по щеке. Не сильно по его меркам — он явно контролировал удар, рассчитывал силу, чтобы не сломать мне шею. Но для шестилетнего ребёнка даже «контролируемая» пощёчина от взрослого мужчины — это как удар кувалдой.

Меня отбросило к стене. Я ударилась плечом о камень. Во рту — вкус меди. В голове — звон, как будто внутри черепа кто-то ударил в колокол.

Боль пришла через секунду — яркая, горячая, оглушительная. Щека горела. Глаза слезились. Мир плыл.

— Валькрейны, — сказал Ренар, стоя надо мной, — вы-

полняют приказы. Без исключений. Без «ещё одной сказки». Без сантиментов. Ты поняла?

Я лежала на холодном каменном полу. Маленькая. Разбитая. С кровью во рту.

И — странно — мне не было страшно.

Мне было ясно.

Кристально, абсолютно, ослепительно ясно. Как будто удар — вместо того чтобы выбить из меня сознание — выбил из меня сомнения.

Вот оно. Вот доказательство. Вот причина.

Он ударил меня. Свою шестилетнюю дочь. За двадцать минут задержки. За сказку на ночь.

Это не воспитание. Это не дисциплина. Это не «традиции рода Валькрейн».

Это — чудовище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.